

УДК 81.2.2
DOI 10.17223/18137083/59/11

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О вероятных социокультурных детерминантах граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии языков Северной Азии

Впервые предложено и аргументировано междисциплинарное объяснение социокультурной детерминации процессов грамматикализации эвиденциальной семантики незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии сопоставляемых языков Северной Азии. Выделены и лингвофактологически верифицированы конкретные материально-культурные и духовно-культурные детерминанты, вероятно обусловившие базовое в синхронии и первичное в диахронии значение граммем незрительной чувственной засвидетельствованности самодийских и юкагирских языков – указание на слуховое восприятие невидимой ситуации.

Ключевые слова: эвиденциальность, языки Северной Азии, сенсорные граммемы, экстралингвистическая детерминация, междисциплинарность, диахроническая типология.

1. Постановка проблемы

Результаты наших предшествующих исследований проблем эволюции и генезиса глагольной категории эвиденциальности (засвидетельствованности) на материале преимущественно самодийских и юкагирских языков позволили выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что исключительно редкая в современных языках Евразии, имеющих грамматикализованную эвиденциальность, сенсорная граммема незрительной чувственной засвидетельствованности является в аспекте диахронической типологии одной из наиболее древних, генетически первичных и универсальных эвиденциальных граммем в диахронии языков североазиатского происхождения [Ильина, 2006; 2010; 2013; 2014; 2016].

При обосновании и первоначальной верификации изложенной гипотезы мы опирались в основном на следующие данные, как давно известные, так и вновь установленные.

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ludil60@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 2
© Л. А. Ильина, 2017

В Северной Азии и Евразии в целом многие языки имеют эвиденциальные глагольные граммемы. Но грамма не зрительной чувственной засвидетельствованности, указывающая исключительно или преимущественно на незрительные сенсорные источники получения сообщаемой информации (слух, тактильные ощущения и др.), была известна в Евразии до недавнего времени только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и северных диалектов селькупского. Глагольные формы – носители (манифестанты) этой граммы традиционно обозначаются в самодистике термином «аудитив», так как в абсолютно преобладающем большинстве документированных употреблений указывают на слуховое восприятие репрезентируемой референтной ситуации, устанавливаемой говорящим по ее акустическим признакам [Прокофьев, 1935, с. 69–70; 1937, с. 44; Терещенко, 1947, с. 224–225; 1973, с. 145–146; Вербов, 1973, с. 100]. Поэтому грамматикализованные суффиксальные показатели самодийских аудитивных форм принято переводить на русский язык приблизительными лексическими эквивалентами: «слыхать», «слышно», «слышится».

Идентичность базовой семантики северносамодийских и селькупской аудитивных форм и существенное материальное сходство их суффиксальных показателей дают необходимые основания (диахронно-типологические и сравнительно-исторические) для отнесения самодийской граммы аудитива в диахронической ретроспективе к прасамодийскому языку. По современным представлениям прасамодийский язык выделился из прауральской языковой общности примерно в V–IV тыс. до н. э., самостоятельно существовал (как совокупность контактирующих диалектов) приблизительно в течение трех тысячелетий и распался на несколько ветвей примерно на рубеже нашей эры или в последние столетия I тыс. до н. э. [Хайду, 1993, с. 8; Хелимский, 2000, с. 13–25; Дыбо, Норманская, 2010, с. 71]. В данной связи уникальность самодийской граммы аудитива в Евразии представлялась нам весьма странной, особенно с учетом генетических и/или долговременных ареально-контактных связей самодийских языков с рядом других северноевразийских языков – обско-угорских, пермских, юкагирских, тунгусских. В этих языках есть эвиденциальные глагольные граммы и оппозиции, типологически сходные с самодийскими. Но граммы незрительной чувственной засвидетельствованности, типологически сходные с самодийским аудитивом, в известных нам исследованиях этих языков не выделялись.

Вместе с тем эвиденциальные сенсорные граммы незрительной чувственной засвидетельствованности, в том числе указывающие, подобно самодийскому аудитиву, на слуховое восприятие говорящим референтной ситуации, давно выявлены американцами в ряде индейских языков и отражены в обобщающих лингвотипологических работах зарубежных и отечественных исследователей. Эти индейские сенсорные граммы были учтены Н. А. Козинцевой в ее известной семантической модели эвиденциальных высказываний [Козинцева, 1994, с. 93–95]. Следовательно, самодийская грамма аудитива не является лингвотипологической аномалией, реализовавшейся только в самодийских языках, а напротив, является лингвотипологической закономерностью, реализованной и в других языках, обслуживающих или обслуживавших в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения. Поэтому уникальность в Евразии самодийской граммы аудитива мы осмыслили как лингвотипологический парадокс, требующий анализа, объяснения и целенаправленного поиска типологических аналогов этой самодийской граммы в других языках Северной Азии.

Этот лингвотипологический парадокс был в существенной мере снят после выявления близкого типологического (грамматико-семантического) аналога самодийского аудитива в записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX в. архаичных текстах традиционного фольклора колымских юкагиров [Ильина, 2010]. Формальная структура самодийских синтетических и юкагирских аналитических

аудитивных форм существенно различается. Но их базовая грамматическая семантика и коммуникативные функции, особенно архаичные, диахронически ранние, уходящие в глубокую древность, в значительной степени сходны. Так, базовым и вероятно генетически первичным значением и самодийского, и юкагирского аудитива является указание на слуховое восприятие не любой ситуации, а только ситуации невидимой. Поэтому, например, и самодийские, и юкагирские аудитивные формы речевых глаголов, вводящих цитируемую чужую речь, грамматически выделяют речевые сообщения невидимого говорящего, воспринятые исключительно на слух, и грамматически противопоставляют их видимым речевым актам, воспринятым не только на слух, но и зрительно [Ильина, 2014]. И самодийские, и юкагирские аудитивные формы употреблялись в шаманских обрядах, в сообщениях камлающих шаманов о действиях духов-помощников, которые в самодийской и юкагирской традиционных этнических культурах считались невидимыми. И в самодийских, и в юкагирских фольклорных текстах употребляются типологически сходные полипредикативные эвиденциальные высказывания, в которых слуховой источник информации указывается дублированно: лексической семантикой сказуемого модусной части – глагола слухового восприятия и грамматической семантикой сказуемого диктумной части в аудитивной форме. Последняя указывала, что ситуация, воспринятая на слух, невидима.

Наличие настолько типологически сходных эвиденциальных сенсорных граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках представляется существенной и научно значимой лингвотипологической параллелью. На современном уровне лингвистических и этнолингвистических знаний эта лингвотипологическая параллель не может быть, на наш взгляд, сколько-нибудь доказательно объяснена ни вероятными отдаленными генетическими связями самодийских и юкагирских языков, ни их возможными древними ареально-контактными связями. Поэтому на сегодняшний день наиболее перспективным направлением научного объяснения отмеченной лингвотипологической параллели представляется гипотеза о грамматикализации семантической зоны незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии самодийских и юкагирских языков под влиянием идентичных или существенно сходных социокультурных детерминантов.

2. Междисциплинарный подход к проблеме социокультурной детерминации граммема аудитива

Исследование проблемы социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и эвиденциальных грамматических оппозиций предполагает междисциплинарный подход. Особенно необходимо соотнесение данных лингвистической диахронической типологии с данными исторической этнологии. Это дает возможность выявить в документированном материале остаточные сохранившиеся в нем глубокие языковые и этнокультурные архаизмы и на основе их междисциплинарного синтеза реконструировать явления и связи, существовавшие в глубокой древности.

Так, в самодийских и юкагирских языках сенсорная граммема аудитива в базовом и диахронически раннем значении обусловила грамматически обязательное выделение в речевых сообщениях невидимых референтных ситуаций и противопоставление их ситуациям видимым, зрительно воспринятым говорящим. Это дает основание предполагать, что конституируемая граммемой аудитива как маркированным членом оппозиция эвиденциальных граммем, указывающих на зрительное либо не зрительное чувственное восприятие референтных ситуаций, сформировалась в диахронической ретроспективе самодийских и юкагирских языков под влиянием древней ментальной оппозиции видимого и невидимого.

Эта ментальная оппозиция считается в этнологии центральной в системе бинарных оппозиций древнего мифологического мировоззрения и мышления и прослежена исследователями по архаичным мифологическим материалам в традиционных культурах Америки и Северной Азии [Леви-Строс, 1983; Мелетинский, 1983; Симченко, 1996; Островский, 1997]. В данной связи представляется значимым, что именно в ряде языков коренных этносов Америки и Северной Азии выявлены сенсорные эвиденциальные граммы незрительной чувственной засвидетельствованности и оппозиции граммем, указывающих на зрительное и незрительное чувственное восприятие референтных ситуаций.

В наших предшествующих работах древняя ментальная оппозиция видимого и невидимого рассматривалась как наиболее универсальный социокультурный (духовно-культурный) детерминант грамматикализации семантической зоны незрительной чувственной засвидетельствованности [Ильина, 2013; 2014; 2016]. Но учет только этого древнего фундаментального социокультурного детерминанта не позволяет объяснить, почему в диахронической ретроспективе самодийских и юкагирских языков семантическая зона незрительной чувственной засвидетельствованности была грамматикализована именно на базе семантики слухового восприятия невидимой ситуации, а, например, не на базе семантики тактильных ощущений или обоняния. Для объяснения такого варианта исходной грамматикализации семантики незрительной чувственной засвидетельствованности необходимо в дополнение к ментальной оппозиции видимого и невидимого выявить на документированном этнокультурном и языковом материале также другие древние, но более конкретные социокультурные детерминанты, исторически долговременно существовавшие в этнических культурах самодийцев и юкагиров.

Для традиционных этнических культур Северной Азии и сопредельных ареалов Евразии и Америки системные историко-этнологические знания сейчас достигают в ретроспективе эпохи неолитической культуры охотников на дикого северного оленя. Эта древняя северноевразийская культура была впервые реконструирована известным российским этнологом Ю. Б. Симченко (см.: [Симченко, 1976; 1982]). Реконструкция осуществлялась на основе выявления в современных культурах коренных этносов Северной Евразии и отчасти Северной Америки (алеутов и эскимосов) сходных древних субстратных черт. Согласно выводам Ю. Б. Симченко, в Северной Азии в наибольшей степени сохранили древний социокультурный субстрат, восходящий к культуре охотников на дикого северного оленя, этнические культуры северных самодийцев (ненцев, энцев и особенно нганасан) и юкагиров. Однако в юкагирской культуре, по мнению Ю. Б. Симченко, этот древний субстрат существенно редуцировался в последние столетия в связи с инокультурными влияниями: тунгусскими, якутскими и русскими.

По аналогии с подходом Ю. Б. Симченко к выявлению древнего социокультурного субстрата в современных этнических культурах самодийцев и юкагиров логично предположить, что и языки самодийцев и юкагиров сохранили в той или иной мере общий древний грамматико-семантический субстрат, исторически связанный с языком и культурой неолитических охотников на дикого северного оленя. В данной связи значимым представляется существенное типологическое сходство самодийских и юкагирских эвиденциальных систем [Ильина, 2013].

И в самодийских, и в юкагирских языках эвиденциальность является центральной категорией глагола. Это, в частности, означает, что в адекватных сообщениях о репрезентируемых референтных ситуациях указание источника информации об этих ситуациях является грамматически обязательным в любых реальных временных планах.

И в самодийских, и в юкагирских языках глагольные грамматические формы, считающиеся индикативными формами времени, указывают на прямую личную

засвидетельствованность репрезентируемой ситуации, а в прототипических контекстах – на ее отчетливую зрительную засвидетельствованность. Эта особенность индикативных форм отмечалась для самодийских языков Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев, 1936, с. 158], а для юкагирских языков Е. А. Крейновичем [Крейнович, 1982, с. 139–143].

И в Северной Азии, и в целом в Евразии только в самодийских и юкагирских языках обнаружена сенсорная эвиденциальная граммема незрительной чувственной засвидетельствованности. Эта граммема наиболее рельефно выделяет невидимые репрезентируемые ситуации и противопоставляет их ситуациям видимым, отчетливо зрительно воспринятым.

Наконец, главное в контексте данной статьи. И самодийская, и юкагирская граммема незрительной чувственной засвидетельствованности многозначны. Но важно, что их базовым значением в документированной синхронии и, вероятно, первичным в диахронии является указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. Это базовое и генетически первичное значение отчетливо и доказательно реализуется в диахронически ранних коммуникативных функциях данной граммема. Поэтому ее разноязычные типологические аналоги мы обозначаем термином «аудитив», в соответствии с традицией самодистики.

Диахронически ранней коммуникативной функцией эвиденциальной граммема мы называем прослеженное в документированном языковом материале регулярное употребление этой граммема в исторически значимых и типичных с глубокой древности для данной этнической культуры конкретных коммуникативных ситуациях, то есть ситуациях речевого общения. Древность, диахроническая глубина, историческая этнокультурная значимость и типичность той или иной коммуникативной функции эвиденциальной граммема обосновываются междисциплинарно с привлечением данных лингвистической типологии, исторической этнологии и фольклористики. Естественно, что научными фактами для лингвистического исследования являются не все реально существовавшие в прошлом диахронически ранние коммуникативные функции эвиденциальной граммема, а только те из них, которые сохранились на документированных срезах языка и информативно отражены в документированном языковом материале.

Именно такие информативно представленные на документированных срезах самодийских и юкагирских языков диахронически ранние коммуникативные функции граммема аудитива указывают на ее вероятные социокультурные детерминанты: материально-культурные и духовно-культурные.

В качестве вероятного материально-культурного детерминанта граммема аудитива мы рассматриваем визуально-акустические свойства древнего традиционного жилища типа чума, для которого издревле константны почти полная визуальная замкнутость и высокая звукопроницаемость. Данные свойства чума обусловили то, что пространство внутри чума и пространство снаружи около чума являлись зрительно изолированными, но акустически объединенными. Регулярно (повседневно в летний сезон) и долговременно (в течение тысячелетий) в этих пространствах осуществлялась хозяйственная деятельность и происходило речевое общение многих сменяющихся поколений охотников на дикого северного оленя и северных оленеводов. Поэтому представляется закономерным, что в языках, обслуживавших эти традиционные генетически связанные культуры, в которых чум являлся основным или одним из основных типов жилища, унифицировались и грамматикализовались средства, дифференцирующие и противопоставляющие действия видимые, зрительно воспринятые, и действия невидимые, воспринятые только на слух. Граммема аудитива в своем базовом и генетически первичном значении – слуховое восприятие невидимой ситуации – как раз и является таким языковым средством.

В качестве вероятного духовно-культурного детерминанта грамме́мы аудитива мы рассматриваем традиционный шаманский обряд, в процессе которого камлающие шаманы издревле сообщали обычным «непосвященным» участникам обряда о своем общении с духами-помощниками, которые считались невидимыми. Считалось, что невидимые духи вообще не могут чувственно восприниматься обычными «непосвященными» людьми. Чувственно воспринимать невидимых духов могут исключительно шаманы, но не зрительно, а только на слух, по акустическим признакам, «шумам» духов. Данные особенности сакрального общения тоже могли, как и свойства чума, детерминировать в диахронии грамматикализацию семантики слухового восприятия невидимых ситуаций.

3. Лингвофактологическое обоснование материально-культурной детерминации грамме́мы аудитива

В соответствии с ориентацией нашего исследования на междисциплинарное объяснение базовой и диахронически исходной семантики грамме́мы аудитива приведенные ниже примеры употребления аудитивных форм в традиционном фольклоре сгруппированы не по монодисциплинарным чисто лингвистическим основаниям, а по междисциплинарным основаниям, рассмотренным в предшествующем разделе. Эти группировки выделяют диахронически ранние коммуникативные функции грамме́мы аудитива, отражающие вероятные социокультурные детерминанты ее базового и диахронически исходного значения – указания на слуховое восприятие невидимой ситуации. Примеры (1)–(17) лингвофактологически верифицируют вероятную материально-культурную детерминацию данной семантики визуально-акустическими свойствами древнего традиционного жилища типа чума.

В примерах (1)–(6) из ненецкого и (7)–(9) из юкагирского фольклора персонаж, находящийся около чума, воспринимает событие, происходящее внутри жилища. Вследствие реальных визуально-акустических свойств чума такое событие происходит вне поля зрения персонажа, в невидимом для него пространстве и устанавливается им только по акустическим признакам, на слух. В речевых сообщениях данный слуховой источник информации о невидимом событии выражается грамматически – сказуемым в форме аудитива (AUD). В ненецком языке (и других самодийских языках) аудитив – синтетическая форма с суффиксальным показателем (нен. =*моно*= (=воно=) с вариантами). В юкагирском (колымском) языке аудитив – аналитическая форма: деепричастие на (*л*)*лӓ* + грамматический показатель аудитива *мод*= (*мэд*=), восходящий к основе глагола *моді*= (*мэди*=) ‘быть слышным’, ‘звучать’. Возможно, что и самодийские суффиксальные показатели аудитива диахронически восходят к лексической основе с аналогичным или близким значением [Künnar, 2002, p. 151].

(1) нен.

Мяд’ хэван’ ти тэыв’. *Мякы мякна хибяхава лаханако=вон=да* (AUD=3SG).
Арка Вай’ не эвна.

‘Я до чума дошел. В чуме, слышно, кто-то разговаривает. Это была жена Старшего Вай.’ (ЭПН, с. 509, 528)

(2) нен.

Мякан тэвван сер’ изелем’. *Мякнан мун’ со=воно=до’* (AUD=3PL).

‘Когда я подошел к чуму, слушаю. В чуме слышны голоса.’ (Там же, с. 510; 529)

(3) нен.

Контекст. Персонаж-рассказчик Евадана тэта (букв.: Сирота, имеющий оленей), находящийся около чума Великана тунгуса, сообщает о событиях, происходящих внутри чума.

Сусуй ацкэр... мяд няна хая'. Эвта=вано=да (AUD=3SG). *Блька тыгор ма=mano=да* (AUD=3SG) *эсьты: – Няр' не нюв хазер' татын, нянэ мэ'ин.*

‘Юноша Сусуй... пошел к чуму. **Слышно – сватается.** Великан тунгус, **слышно, говорит:** – Как я отдам трех моих дочерей, это мои товарищи.’ (ЭПН, с. 715, 728)

(4) нен.

Ян' нэ' хэван' тэвыв', нябав ярсуб=вон=да (AUD=3SG). *Пыда ма=mano=да* (AUD=3SG) : *– Не надов ханакы.* (Там же, с. 378, 391)

‘Я до входа в чум дошла. Невестка (в чуме) **плачет=слышно.** Она **говорит=слышно:** – Моя золовка умерла, наверное.’

(5) нен.

Инзелебнани...: мякы мякна ёнэ нинекани вабири со=ван=да (AUD=3SG).

‘Прислушавшись, я понял...: в чуме **слышится** только голос среднего брата.’ (Вануйто, Буркова, 2010, с. 318)

(6) нен.

Мякы мякна цоблери хасава тарем' ма=моно=да (AUD=3SG):

– *Сюдбабц' ню, пин' вэдеркар, ями терсиси, цамгэ худ то?* (Там же, 2010, с. 335).

‘Чума внутри мужчина так **сказал=слышно:** «Дочь Сюдбабца, наружу выгляди, кто откуда приехал?»’

(7) юк.

Контекст. Старик-юкагир подходит к своему жилищу (урасе) и по звучащему пению узнает, что жена жива и находится в урасе.

Пудат мэрицаи: тэрикиадия јактэллэ модиц (AUD=3SG).

‘Со двора прислушивается: старушка как **поет, слышно.**’ (Иохельсон, 1900, с. 3).

(8) юк.

Пабэги молло-модиц (AUD=3SG): *«Ама, пон чомон лунэи, шашпэд-аңил тонк. Аницаја пудат модим, тудэ пэбэ-ацугэла модим.* (Там же, с. 159)

‘Старшая сестра **сказав=слышна:** «Мама, сильно задымило, дверь закрой!» *Аницаја* (имя собственное, букв.: Сквернослов) на дворе слышал, слова своей старшей сестры слышал.’

(9) юк.

Контекст. На спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Модиц – тинэтан мэрицл брнэллэ модиц (AUD=3SG), *јум – пай чанма ходои, тудэ јондоцагэла тудэ-будия атахун нугонэ моим. Татлэт брнэи.* (Там же, с. 139)

‘**Слышит:** та (ранее названная) девушка (*мэрицл*) **крича=слышна, видит:** молодая женщина (*пай*) на спине **лежит (это видно),** свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно),** в таком положении находясь, **кричит (это видно).**’

Приведенные ниже примеры (10)–(17) так же, как и примеры (1)–(9), лингво-фактологически верифицируют диахронически раннюю функцию граммемы аудитива, детерминированную визуально-акустическими свойствами чума. Только в (10)–(17) в отличие от (1)–(9) персонаж, находящийся внутри чума, воспринимает на слух и устанавливает по акустическим признакам невидимое событие, происходящее снаружи, вне чума.

(10) нен.

...*Şiβ iŋe qəŋt mākkəð jinşilé. pīxiñne şide xāşəββv tō=ββəŋōn=di*''(AUD=3DU).

...Hörcht der Siebenklafter-Ostjake vom Zelte aus: **man hört**, dass auf den Hof zwei Männer **gekommen sind**. (Lehtisalo, 1947, S. 87)

‘Высокорослый чужеземец из чума слышит: снаружи два ненца **подъехали=слышно**.’

(11) нен.

Ламдо’ не ню мят’ тю. Со=воно=да (AUD=3SG), *саюв’ мяд’ сюрте=воно=до’* (AUD=3PL). *Увна тойта=воно=до’* (AUD=3PL), *лахана=воно=до’* (AUD=3PL): – *Ябтакo Носитэта, пыр мякна хась пязурув’?* (ЭПН, с. 202, 208)

‘Дочь Ламдо в чум вошла. **Услышала** (букв.: **слышит=слышно**): **войска чум окружили=слышно**. По шести **стучат=слышно**, **говорят=слышно**: – Ябтакo Носитета, в чуме будешь умирать?’

(12) нен.

Мят’ тиюни’. ...*Селиро Харюци мяд’ хазовна яд=вона=да* (AUD=3SG).

‘Мы вошли в чум. ...Селиро Харюци, **слышно**, **идет** около чума.’ (Там же, с. 466, 488)

(13) нен.

Пихи-пихиня хадна “нани’ седа лану=мон=да (AUD=3SG).

‘И на улице снова, **слыхать**, **затих** голос пурги.’ (НЭ, с. 61, 72)

(14) нен.

Пихий пихиня џацекэ “ма=мон=до’ (AUD=3PL): «*Янэдо “на” мяд “си “ив’ тяхана џаха “на хаваць*».

‘На улице (букв.: на уличной улице) ребята, **слыхать**, **сказали**: «Чумы наших свояков семь дней тому назад снялись».’ (Там же, с. 125, 137)

(15) нен.

Џоб “нэдалёда то=воно=да (AUD=3SG) *пихиня. Тад мят тю. Ёней-Нохо нэвы.*

‘**Слышно**, как кто-то на легковой нарте **подъехал** снаружи. В чум вошел. Средний-Нохо оказался.’ (ФН, с. 260, 261)

(16) нен.

Мяд’ сидимана сидя саңговота ядна то=ван=ди’ (AUD=3DU).

‘По обеим сторонам чума, **слышно**, **прошлись** два тяжелых человека.’ (Вануйто, Буркова, 2010, с. 342)

(17) нен.

Не туридась, пой’ ханувна сидя нэдалёда хыркада=вано=да (AUD=3SG)... *Пихина мэнаха’ ханоди’ нэд=мон=ди’* (AUD=3DU).

‘Когда вернулась женщина, мы **услышали**, как **приехали** две упряжки... Приезжие, **слышно**, **распрягли** оленей.’ (Там же, 2010, с. 343)

Подчеркнем, что представленная в примерах (1)–(17) лингвистическая фактология, показательно иллюстрирующая отражение в грамматической семантике языка визуально-акустических свойств чума, является глубоко архаичной. Она утрачена или существенно редуцирована в тех языках Северной Азии, у носителей которых чум давно перестал быть одним из основных типов жилища. Поэтому весьма важно и ценно для лингвистики, что эта архаичная фактология информативно сохранилась в ненецком традиционном фольклоре. Так, примеры, подобные (10)–(17), широко представлены в ненецких эпических песнях жанров сюдбабц (песни о предках-великанах) и ярабц (песни-плачи). В них типичны сюжеты, в которых главный герой по тем или иным причинам вынужден длительное время находиться в чуме, не покидая его. Н. М. Терещенко отмечала, что это «обычное времяпрепровождение героев ненецких сказаний, предшествующее их вступлению в какие-либо активные действия (обычно в военные столкновения)» [Терещенко, 1990, с. 82]. Специфика восприятия такими эпическими героями внешнего мира информативно передана ненецкой писательницей А. Неркаги в русском изложении эпоса «Сын Пучи»: «Звуки говорят обо всем, чего я не вижу (курсив наш. – Л. И.). Слышу, как трое Братьев часто уезжают то ли на охоту, то ли еще куда. Слышу детей, женщин. Знаю, когда приходят олени. Слышу песни, плачи, радости» [Неркаги, 2005, с. 108].

Подобные фольклорные сюжеты на ненецком языке наполнены формами аудитива в базовом и диахронически исходном значении – указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. В них отчетливо проявляется связь данной семантики аудитива с визуально-акустическими свойствами чума. Поэтому их фактологическую значимость для объяснения и обоснования материально-культурной детерминации граммеы аудитива трудно переоценить.

4. Лингвофактологическое обоснование духовно-культурной детерминации граммеы аудитива

Приведенные ниже примеры (18)–(30) ориентированы на лингвофактологическое отражение диахронически ранних коммуникативных функций граммеы аудитива в сфере сакральной коммуникации традиционного шаманского обряда и на лингвофактологическое обоснование духовно-культурной детерминации граммеы аудитива традиционными особенностями этой сакральной коммуникации. Информативно документированные Т. Лехтисало в 1911–1912 и 1928 гг. ненецкие шаманские обрядовые песни дают серьезные основания полагать, что формы аудитива издревле регулярно и типично употреблялись камлающими самодийскими шаманами в сообщениях «непосвященным» участникам обряда о действиях своих духов-помощников. И в самодийской, и в юкагирской традиционных этнических культурах духи-помощники шаманов считались невидимыми и их действия устанавливались только на основе слухового восприятия камлающего шамана. Поэтому примеры (18)–(30) лингвофактологически верифицируют вероятную духовно-культурную детерминацию отмеченными особенностями сакральной коммуникации шаманов базовой и диахронически первичной семантикой граммеы аудитива «указание на слуховое восприятие невидимой ситуации».

(18) нен.

Контекст. Ненецкий шаман высокого статуса в начале камлания, обращаясь к своим духам-помощникам, говорит:

Ṣeñ ḥeñṇāñ ḥi " *ḥiñṇāñṇāñ ḥi* " *ṣōmṭaḃāñ ḥi* " *mā'l'eñkañṇā ḥēdāmṭm̄ ṇḁv̄e* " *ṇāñ ḥi* " *β̄iβ̄r̄'ruḁi* " *t̄ō=β̄β̄ḁṇḁṇ=ṭu* "(AUD=3PL).

Fhüher irgendwann, zur Zeit meines Gutwerdens (d.h. als ich Zauberer wurde), in meinem Traume ihr Rauschen **hörte man kommen**. (Lehtisalo, 1947, S. 474)

‘В моем прошлом когда-то, когда я окончательно окреп (как шаман), в моем сне ваши шумы **пришли=слышно**.’

Из этого сообщения следует, что, во-первых, способность слышать «шумы» духов шаман приобретает на определенном этапе своего обучения, «окрепнув» в статусе шамана, и во-вторых, что эту приобретенную способность он реализует только в определенном состоянии – шаманском сне. Поэтому слуховое восприятие шамана не обычное, а сакральное, сверхъестественное, близкое к интуиции на базе слухового восприятия.

Примеры сообщений шамана о прибытии призванных им духов-помощников:

(19) нен.

Jāmīñ ħe χād^qkkōmīñ'' *ʃ^qē=ββoñ=ʃδ^q* (AUD=3SG).

Die Erdalte, meine Grossmutter **hörte man kommen**. (Lehtisalo, 1947, S. 479)

‘Земля-мать, моя бабушка, **пришла=слышно**.’

(20) нен.

Bārkkū'' *ñēēe χād^qkkōmīñ*'' *ʃ^qē=ββoñ=ʃδ^q* (AUD=3SG).

Die Bärenmutter meine Grossmutter **hörte man kommen**. (Ibid., S. 480)

‘Мать медведей, моя бабушка, **пришла=слышно**.’

(21) нен.

Jāñ ʃsə ʃl'e χād^qkkōmīñ'' *ʃ^qē=ββoñ=ʃδ^q* (AUD=3SG).

Meine Grossmutter von jāñ ʃsə ʃl'e **hörte man ihn kommen**. (Ibid., S. 479)

‘Моя бабушка с мыса Оби **пришла=слышно**.’

(22) нен.

Kāṣṣ-mñāj χād^qkkōmīñ'' *ʃ^qē=ββoñ=ʃδ^q* (AUD=3SG).

Das Weib vom Kazym, meine Grossmutter, **hörte man kommen**. (Ibid., S. 480)

‘Женщина с Казыма, моя бабушка, **пришла=слышно**.’

Пантеон духов-помощников шаманов формировался исторически: многократно наследовался в ряду поколений шаманами-учениками от шаманов-учителей, обновлялся и пополнялся новыми духами. В примерах (19)–(22) представлены духи женского пола, которые, вероятно, имеют очень древнее происхождение, восходят к древнему культу «Матерей природы», считавшемуся Ю. Б. Симченко важным компонентом духовной культуры охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976, с. 239–267].

В примерах (23)–(28) представлены духи мужского пола, которые, вероятно, имеют более позднее происхождение и возникли не в культуре охотников на дикого оленя, а в культуре оленеводов.

(23) нен.

Jiʃl'eβē-tēāñrʃʃl'e jirī-kkōmīñ'' *ʃ^qē=ββoñ=ʃδ^q* (AUD=3SG).

Den Lebensmittelpender, mein Grossvater, **hörte man kommen**. (Lehtisalo, 1947, S. 479)

‘Дух-даритель съестных припасов, мой дедушка, **пришел=слышно**.’

(24) нен.

Šiβ χārβ ηāmīl 'q̄δδ^β jirīkkq̄mīnī' f^hξ=ββoη=τδ^β (AUD=3SG).

Den Sitzenden von sieben Lärchenbäumen meinen Grossvater, **hörte man kommen**. (Ibid., S. 480)

‘Дух семи лиственниц, мой дедушка, **пришел=слышно**.’

(25) нен.

Šēr^h jāññi^h ηāmīl 'q̄δδ^β f^hξ=ββoη=τδ^β (AUD=3SG).

Den sitzenden Geist meines Eislandes **hörte man kommen**. (Lehtisalo, 1947, S. 480)

‘Дух моей Ледяной страны **пришел=слышно**.’

(26) нен.

Toχq̄t^h īñ^h ηāmīl 'q̄δδ^β jirīkkq̄mīnī' f^hξ=ββoη=τδ^β (AUD=3SG).

Den Sitzenden des toχq̄t^hse-Stammes, meinen Grossvater, **hörte man kommen**. (Ibid.)

‘Дух рода Тохо, мой дедушка, **пришел=слышно**.’

(27) нен.

T^hīvi^h t^htsīñ^h ηāmīl 'l^h q̄δδ^β t̄ax̄àββāñt̄^h f^hξ=ββoη=τδ^β (AUD=3SG).

Den Sitzenden (Geist) des t^hīvi^ht^hse-Stammes hierauf **hörte man ihn kommen**. (Ibid., S. 479)

‘Дух рода Тибице наконец-то **пришел=слышно**.’

(28) нен.

Māñtū^h k̄k̄q̄x̄ jirīkkq̄mīnī' f^hξ=ββoη=τδ^β (AUD=3SG).

Den Geist des māñtū-Stammes, **hörte man kommen**. (Ibid., S. 480)

‘Дух рода Манту **пришел=слышно**.’

Отметим, что в шаманской песне каждое из приведенных высказываний шамана имело свою специфическую мелодию, которая сообщала непосвященным участникам обряда о прибытии того или иного духа. «Музыкальная драматургия шаманского обряда, – пишет О. Э. Добжанская, – связана с последовательным чередованием разных мелодий, соответствующих разным духам-помощникам. Эти мелодии появляются в ритуале последовательно, отражая последовательность чередования (прихода) духов-помощников шамана» [Добжанская, 2008, с. 24].

Примеры цитирований шаманами высказываний духов-помощников:

(29) нен.

Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

Šūd(ā) b ēt̄ jirikow(ā) ηāñi^h ta^hem^h mā=monōn=ta (AUD=3SG): «sām̄t(ā)χāde χora namna!»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» (Lehtisalo, 1947, S. 471)

‘Мой великанский предок (букв.: дедушка) так **сказал=слышно**: «Дымным ставший олень-самец, бычок-второгодок!»’ (Шаман, цитируя невидимого духа, вероятно, сообщает «непосвященным» участникам обряда о жертве, требуемой духами, и указывает масть, пол и возраст жертвенного оленя.)

(30) юк.

Контекст. Юкагирский шаман, камлая, цитирует предсказание своего духа-помощника, который невидим (устаами шамана вещает вселившийся в него невидимый дух).

(Алма) *jalʃinät móлло módíč* (AUD=3SG): «*Onóčlä tın Önmunlaçin ägüçünitäi, táñpuçi agúrñäçitäi*». (Иохельсон, 1900, с. 99)

‘(Шаман), камлая, **говоря-слышен**: «Позже этим местом на Колыму кочевать будут, мучиться будут».’

Заключение

Оба выделенных социокультурных детерминанта грамматикализации базового и генетически первичного значения граммы аудитива «слуховое восприятие невидимой ситуации» являются весьма древними, ведут, вероятно, в историческую ретроспективу, более глубокую, чем эпоха неолитической культуры охотников на дикого северного оленя. Но важно, что в рамках этой культуры, функционировавшей долговременно, в течение нескольких тысячелетий, почти на всем евразийском Севере, оба выделенных детерминанта сосуществовали и оба выполняли значимые социокультурные функции. Следовательно, они совместно и взаимодополняюще влияли на ментальные и языковые процессы, в том числе на становление и/или закрепление ментальной оппозиции видимого и невидимого и сопряженной с ней эвиденциальной оппозиции глагольных граммем, указывающих на зрительное / не зрительное чувственное восприятие референтных ситуаций.

Выделение и анализ в данной статье вероятных конкретных материально-культурного и духовно-культурного детерминантов эвиденциальных сенсорных граммем самодийских и юкагирских языков позволили предложить и аргументировать объяснение исходной грамматикализации эвиденциальной семантической зоны незрительной чувственной засвидетельствованности в сопоставляемых языках на базе значения «слуховое восприятие невидимой ситуации» как диахронически первичного значения.

Список литературы

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 1–190.

Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Апекс, 2008. 271 с.

Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Прасамодийская лексика материальной культуры // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике, Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г. / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 71–84.

Ильина Л. А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск: Любава, 2006. С. 79–119.

Ильина Л. А. Самодийская глагольная грамма аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике, Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г. / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 99–106.

Ильина Л. А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Лингвистический

беспреддел-2: Сб. науч. тр. к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 32–47.

Ильина Л. А. Феномен грамматического выделения речи невидимого говорящего в языках Северной Азии // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 200–209.

Ильина Л. А. К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 30. Новосибирск, 2016. С. 21–29.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 301 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Мелетинский Е. М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 467–522.

Неркаги А. Сын Пучи. Ненецкое сказание в литературной обработке // Тобольск и вся Сибирь. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2005. С. 107–118.

Островский А. Б. Мифология и верования нивхов. СПб.: Наука, 1997. 288 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Прокофьев Г. Н. Самоучитель ненэцкого языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 184 с.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 5–52.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с.

Симченко Ю. Б. Традиционные верования нганасан. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. Ч. 1. 216 с.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Проблемы генезиса и этногонии. Опыт историко-этнографической реконструкции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 38 с.

Тереценко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.

Тереценко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Тереценко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. 336 с.

Хайду П. Уральские языки // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 7–19.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с.

Kittnar A. On the Enets evidential suffixes // Linguistica Uralica. 2002. Vol. 38, No. 2. P. 145–153.

Список источников

Вануйто Э. Б., Вануйто В. М., Буркова С. И. Няхар''Хэхо'' то'' Вэра'' (Вэра Трех Священных озер) (Текст на тазовском говоре тундрового диалекта ненецкого языка) // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике, Ин-т филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г. / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 292–353.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1900. 240 с.

ФН – Фольклор ненцев. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.

ЭПН – *Курпянова З. Н.* Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.

НЭ – Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. 336 с.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 S.

Список условных обозначений и сокращений

Нен. – ненецкий язык; **юк.** – юкагирский язык; **3DU** – личный аффикс 3-го лица двойственного числа; **3PL** – личный аффикс 3-го лица множественного числа; **3SG** – личный аффикс 3-го лица ед. ч.; **AUD** – форма аудитива; = – морфемный шов.

Цына Л. А.

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; ludil60@mail.ru*

On probable socio-cultural determinants of non-visual sensory perception evidentials grammemes in diachrony of Northern Asian languages

The theoretical grammar theory has mainly described the evidential grammemes indicating nonvisual perception data sources (audio, tactile, and smelling sensation, etc.) basing on the Amerindian languages data. The Eurasian languages having the grammaticalized evidential category express these grammemes extremely rarely. These are found only in the materials of four Samoyedic languages: Nenets, Enets, Ngasan, and Selkup.

In the Samoyedic Studies, these grammemes are denoted as «auditive», since primarily they refer to an auditive information source in the majority of documented uses.

The subject and objectives of the paper presented are determined by the following: a) founding out a closely related grammatical and semantic analogue of Samoyedic auditive in Kolyma Yukaghir folklore texts; b) giving evidence to an identical nature of synchronically basic and diachronically fundamental auditive grammemes – indicating auditive perception of a non-observable event; c) substantiating that this auditive grammeme meaning is most regularly realized in their diachronically earlier communicative functions reproduced in Samoyedic and Yukaghir texts since early times; d) supposing that some of the diachronically earlier communicative functions of auditive grammemes are directly related in historical retrospective to probable socio-cultural determinants of their diachronically fundamental meaning – indicating audible perception of a non-observable event.

The main goal of the article is to substantiate a diachronically identical character of the fundamental meaning of Samoyedic and Yukaghir auditive grammemes by the fact of their being diachronically influenced by identical or similar socio-cultural determinants – either material-cultural or spiritual-cultural ones.

To solve the problem in question an inter-disciplinary approach synthesizing both diachronic linguistic typology and historical ethnology has been realized.

The Samoyedic and Yukaghir auditive grammemes in their diachronically original meanings necessarily represent non-observable referential events and oppose them to observable events in speech utterances. That is why the earlier mental opposition of observability and non-observability is considered in the paper to be the most fundamental socio-cultural (spiritual-cultural) determinant of this meaning. In ethnology, this opposition is supposed to be a central opposition in the system of the binary oppositions of the ancient mythological mentality type, and it is traced in the archaic mythology of American and North Asian aboriginal ethnic groups.

This socio-cultural determinant gives a good evidence of grammaticalization of the semantics of nonvisual sensory perception of non-observable events but does not explain the fact why in Samoyedic and Yukaghir languages the semantics under discussion was initially grammaticalized as auditive but not as any other one, e.g. tactile. To explain this fact the author identifies and both linguistically and factually verifies some other ancient but more specific material-cultural and spiritual-cultural determinants.

Keywords: Evidentials, North Asian languages, sensory grammemes, extalinguistic determination, inter-disciplinary approach, diachronic typology.

DOI 10.17223/18137083/59/11

References

- Dobzhanskaya O. E. *Shamanskaya muzyka samodiyskikh narodov Krasnoyarskogo kraya* [Shaman music of Samoyedic peoples of the Krasnoyarsk Territory]. Norilsk, Apeks, 2008, 271 p.
- Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Prasamodiyskaya leksika material'noy kul'tury [Prasamoyedic vocabulary of material culture]. In: *Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. po samodistike, Institut filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010 g.* [Materials of the 3rd International conference on Samoyedic Studies, Institute of Philology SB RAS, 26–28 Oct. 2010]. S. I. Burkova (Ed.). Novosibirsk, Lyubava, 2010, pp. 71–84.
- Hajdú P. Ural'skie yazyki [Uralic Languages]. In: *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the World: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 7–19.
- Helimski E. A. *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparative and Uralic Studies: Lectures and Papers]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, 640 p.
- Il'ina L. A. Evolyutsiya evidentsial'nykh vyskazyvaniy v samodiyskikh yazykakh [Evolution of evidential statements in Samoyed languages]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 18* [Languages of Aboriginal Peoples of Siberia. Iss. 18]. Novosibirsk, Lyubava, 2006, pp. 79–119.
- Il'ina L. A. Samodiyskaya glagol'naya grammema auditiva i ee yukagirskiy analog [Samoyedic verbal grammeme with auditive meaning and its Youkaghir analogue]. In: *Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. po samodistike, Institut filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010 g.* [Materials of the 3rd International conference on Samoyedic Studies., Institute of Philology SB RAS, 26–28 Oct. 2010]. S. I. Burkova (Ed.). Novosibirsk, 2010, Lyubava, pp. 99–106.
- Il'ina L. A. Identichnost' geneticheskoy struktury glagol'noy kategorii zasvidetel'stvovannosti v samodiyskikh i yukagirskikh yazykakh [Identity of genetic structure of the verbal category of evidence in Samoyed and Youkaghir languages]. In: *Lingvisticheskiy bespredel-2: Sb. nauch. tr. K yubileyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic non-limits-2. Coll. of papers dedicated to Prof. A. I. Kuznetsova's 80th anniversary]. Moscow, MGU publ, 2013, pp. 32–47.
- Il'ina L. A. Fenomen grammaticheskogo vydeleniya rechi nevidimogo govoryashchego v yazykakh Severnoy Azii [Phenomenon of grammatical distinguishing of the invisible speaker's speech in the languages of the Northern Asia]. In: *Siberian Philological Journal*. 2014, no. 2, pp. 200–209.
- Il'ina L. A. K probleme sotsiokul'turnoy determinatsii evidentsial'nykh grammem i opozitsiy v yazykakh Severnoy Azii [Towards the problem of socio-cultural determination of evidential grammemes and oppositions in Northern Asian languages]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. Vyp. 30* [Languages and Folklore of Aboriginal peoples of Siberia. Iss. 30]. Novosibirsk, 2016, pp. 21–29.
- Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of Evidentiality (problems of typological analysis)]. In: *Voprosy Jazykoznanija*. 1994, no. 3, pp. 92–104.
- Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Researches and materials on the Youkaghir Language]. Leningrad, Nauka, 1982, 301 p.
- Künnap A. On the Enets Evidential Suffixes. In: *Linguistica Uralica*. 2002, vol. 38, no. 2, pp. 145–153.
- Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, 1983, Nauka, 536 p.
- Meletinskiy E. M. Mifologiya i fol'klor v trudakh Lévi-Strauss C. [Mythology and Folklore in Lévi-Strauss's Works]. In: Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Levi-Strauss C. Structural Anthropology] Moscow, Nauka, 1983, pp. 467–522.
- Nerkagi A. Syn Puchi. Nenetskoe skazanie v literaturnoy obrabotke [Puchi's Son. Nenets Legend in Literary Adaptation]. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'* [Tobolsk and the whole Siberia] Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska, 2005, pp. 107–118.
- Ostrovskiy A. B. *Mifologiya i verovaniya nivkhov* [Mythology and Beliefs of the Nivkh People]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 288 pp.
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [The Selkup Grammar]. Leningrad, Izd. In-ta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 131 p.

- Prokof'ev G. N. Samouchitel' nenetskogo yazyka [Manual for self-teaching the Nenets Language]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 184 p.
- Prokof'ev G. N. Nenetskiy (yurako-samoedskiy) yazyk [Nenets (Yurak-Samoyedic) Language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 1.* [Languages and writing of Northern Peoples. Pt 1]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1937, pp. 5–52.
- Simchenko Yu. B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Etnografi-cheskaya rekonstruktsiya* [Culture of deer-hunters in the Northern Euro-Asia: Ethnographic reconstruction]. Moscow, Nauka, 1976, 311 p.
- Simchenko Yu. B. *Traditsionnye verovaniya nganasan.* Ch. 1 [Traditional religious beliefs of Nganasan People. Pt 1]. Moscow, Izd. In-ta etnologii i antropologii RAN, 1996, 216 p.
- Simchenko Yu. B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Problemy genezisa i etnologii. Opyt istoriko-etnograficheskoy rekonstruktsii* [Culture of Deer-Hunters in the Northern Euro-Asia: Problems of the Genesis and Ethnology. Experience of the Historic and Ethnographic Reconstruction]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Moscow, 1982, 38 p.
- Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyedic) Language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p.
- Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiyskikh yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1979, 323 p.
- Tereshchenko N. M. *Nenetskiy epos. Materialy i issledovaniya po samodiyskim yazykam* [Nenets Epos. Materials and Research in Samoyedic Languages]. Leningrad, Nauka, 1990, 336 p.
- Verbov G. D. *Dialekt lesnykh nentsev* [Dialect of the Forest Nenets people]. In: *Samodiyskiy sbornik* [Samodian collection]. Novosibirsk, 1973, pp. 1–190.

List of sources

- Fol'klor nentsev* [Folklore of the Nenets]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 504 p.
- Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. 1* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma District. Pt 1]. St. Petersburg, Izd. Imp. Akad. nauk, 1900, 240 p.
- Kupriyanova Z. N. *Epicheskie pesni nentsev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow, Nauka, 1965, 782 p.
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung.* Helsinki, 1947, 615 p.
- Tereshchenko N. M. *Nenetskiy epos. Materialy i issledovaniya po samodiyskim yazykam.* Leningrad, Nauka, 1990, 336 p.
- Vanuyto E. B., Vanuyto V. M., Burkova S. I. *Nyakhar''Khekho'' to'' Vera'' (Vera Trekh Svyashchennykh ozer) (Tekst na tazovskom govore tundrovogo dialekta nenetsko-go yazyka).* In: *Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. po samodistike, In-t filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010 g.* [Materials of the 3rd Intern. Sci. Conf. On samodistics, Inst. of Philology of SB RAS, Oct. 26–28, 2010]. S. I. Burkova (Ed.). Novosibirsk, Lyubava, 2010, pp. 292–353.